

Давид Зильберман

Нью-Йорк, США

ДЕМОНСТРАЦИЯ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ В МОСКВЕ 10—11 МАРТА 1971 г.: ДНЕВНИК ДЕМОНСТРАНТА

И сказал Господь Моисею: ...явись пред лице фараона. ... И ты скажи ему: ...отпусти народ Мой...

Исх. 8:20

События 10—11 марта 1971 г. в приемных Президиума Верховного Совета СССР и Министерства внутренних дел СССР явились вершиной накала политической борьбы евреев Советского Союза за право исхода в Израиль, за которой последовала небывалая за все годы советской власти мощная лавина алии евреев в Израиль.

Доведенные до отчаяния жестоким подавлением органами советской власти национальных чувств и неоспоримых человеческих прав, полторы сотни евреев из восьми городов СССР бросили в те дни дерзкий вызов кремлевским фараонам. Эта поучительная акция, как в зеркальном фокусе, отражала весь комплекс советского одностороннего подхода к проблеме евреев и Израиля исходя из их антисемитских, шовинистических чувств и глобальных интересов на Ближнем Востоке, и в то же время демонстрировала их болезненную реакцию на международное общественное мнение. А эти события разворачивались как раз накануне коммунистического форума в Москве, и в подконтрольной тоталитарному государству послушной прессе, на радио и телевидении они сопровождались усилением злостной антиизраильской, антисионистской (а фактически антисемитской) пропаганды вопреки очевидным фактам и здравому смыслу.

Что касается общей ситуации, то в это время, зимой 1970—1971 гг., казалось, что в вопросе эмиграции евреев ничто не трогает советского гиганта — ни непрерывный поток писем и петиций в Израиль, в ООН, ни обращения к международной общественности с призывом о помощи, ни взрыв возмущения в мире перед лицом откровенно антисемитских бесчеловечных смертных приговоров на ленинградском процессе в декабре 1970 г. за несовершеннолетние преступления, ни международный брюссельский форум, посвященный проблеме советских евреев, — ничто! Советский олимп ни на что никак не реагировал!

Кремлевское руководство и злобная по отношению к Израилю лицемерная советская пропаганда последовательно создавали видимость того, что не замечают борьбы евреев, что в «СССР вообще не существует еврейского вопроса» и «граждане еврейской национальности вместе со всеми, в дружной семье советских народов, строят свое счастливое будущее — коммунизм».

Эта концепция была неуклюже продемонстрирована в начале 1970 г. на знаменитом фарсе — «спектакле» с выступлением героев Второй мировой войны генералов Драгунского и Зивса, участием в нем театральных звезд — прима-балерины Большого театра Майи Плисецкой и любимца советской публики, художественного руководителя Ленинградского театра миниатюр Аркадия Райкина и прочими, как было метко подмечено, «дрессированными евреями»¹. Официаль-

ная советская государственная пропагандистская машина, как заведенный патефон, неизменно придерживалась этого дежурного фигового листка демагогии для отпора местным и иностранным оппонентам-критикам.

Вместе с тем зимой 1971 г. евреи СССР, стремящиеся к выезду в Израиль, находились на очень опасном водоразделе событий. Их единственной защитой было мировое общественное мнение — единственное, с чем советские руководители в какой-то мере считались. А они-то, эти международные организации, начинали уже свыкаться с «еврейским стоном» за «железным занавесом». Индивидуальные и коллективные обращения евреев зачитывались западными радиостанциями все реже и реже, и лишь Израиль последовательно продолжал их оглашать по радио «Кол-Израэль» («Голос Израиля»), что уже стало походить на будничную рутину. Эта безысходность привела группу молодых рижских и ленинградских евреев к отчаянной попытке захватить самолет с целью покинуть Советский Союз (при том что эта акция не была санкционирована Израилем). С самого начала эта попытка побега была обречена на провал, так как КГБ знал о ней и намеревался использовать ее в своих целях — представить еврейское движение за выезд в Израиль как криминальное действие. Однако со смертными приговорами двум участникам за несовершенное преступление власти превзошли все допустимые пределы своего правосудия и под давлением Запада были вынуждены замечить эти приговоры обоим обвиняемым на 15 лет заключения.

С другой стороны, действия властей были хорошо ими продуманы, и это дало им повод для последующих за этими событиями массовых обысков в домах активистов и последующих судебных процессов во многих городах Советского Союза.

Стало совершенно очевидно, что борьбу за право на выезд необходимо было усилить, сделать ее более дерзкой, вызывающей, злободневной, снова поднять эту тему на уровень передовиц западной прессы и прочих средств массовой информации. Но в то же время — и это самое главное — не давать властям поводов для репрессий, обосновывая наши действия официально действующими советскими и международными законами.

За полосой писем и петиций наступил черед демонстраций — коллективных посещений советских государственных и партийных учреждений, которые в конце концов вылились в мартовскую демонстрацию с объявлением голодовки, ставшую поворотным пунктом в борьбе за исход и ярким эпизодом в долгой истории борьбы советских евреев за свое национальное достоинство и связь с Израилем.

Основным центром массовой борьбы советских евреев за алию в Израиль в 60—70-х гг. была Рига. В этом крупном очаге еврейского политического и культурного движения еще в 20—30-х гг. после установления британского мандата в Палестине сложились глубокие традиции халуцианской алии в форме «ахшары» — подготовки молодежи к сельскохозяйственной кибуцной деятельности и активного национального движения Бетар — сторонников Жаботинского² и Трумпельдора³.

Здесь, в Риге, до советского вторжения и аннексии Латвии в 1940 г. развилась широкая сеть школ на иврите и идише, работали еврейские театры, издавались газеты, журналы, печатались книги. Здесь были созданы значительные еврейские культурные ценности, в частности профессор Шимон Дубнов⁴ написал в Риге свою знаменитую 10-томную «Историю еврейского народа», и многое-мно-

гое другое. Но этот же город Рига с приходом немецких нацистов стал печальным символом сродни Освенциму и Бабьему Яру — в Рижском гетто, в Румбульском, Бикерниекском и других пригородных лесах были зверски уничтожены немецкими нацистами и их латышскими коллаборационистами более 70 тыс. евреев Латвии и несчетное число депортированных евреев из покоренной нацистами Европы и самой Германии.

Однако послевоенное еврейское население Риги постепенно вновь разрослось до 35—40 тыс. за счет стекшихся остатков спасшихся от нацистов в гетто и концлагерях бывших рижан, участников войны против фашистов, эвакуированных в глубь России из латвийской провинции и осевших здесь из других республик. Неудивительно поэтому, что в Риге уже в 50-е гг. развилась сеть кружков подпольного изучения иврита — традиция, перекинувшаяся в дальнейшем на глубинные центры Советского Союза, и началось распространение национально-сионистской литературы, такой как произведения Жаботинского, Бялика⁵, жизнеописание Трумпельдора, роман Леона Уриса⁶ «Экзодус» и многое другое, в том числе потрясающие правдивые самиздатовские материалы о еврейской Катастрофе в годы нацизма. Сразу же с хрущевской «оттепелью» еврейские активисты стали оказывать давление на власти в рамках требования легальной еврейской культурной деятельности.

В то же время в этом крупном и активном еврейском центре с наибольшей откровенностью проводился жесткий советский курс насилия и оскорбления национальных чувств и человеческого достоинства евреев, против их стремления в Израиль.

События февраля—марта 1971 г. развивались с небывалой скоростью. Походы сотен евреев в приемные часы в Совет министров Латвийской ССР, Управление милиции города Риги и, наконец, в Министерство внутренних дел Латвийской ССР показали всю тщетность усилий пробить дорогу в Израиль сквозь провинциальные советские инстанции. Чиновники с раздражением пытались отделаться ничемными заверениями, ссылкой на некомпетентность или переадресовать впустую в Министерство внутренних Латвии, а оттуда — в ОВИР⁷, и порочный круг замыкался. А министр внутренних дел Латвии Сея однажды на одном из своих приемов не поленился принять в индивидуальном порядке до часу ночи всех записавшихся, но никому не выдал разрешения.

В те дни не оставалось никаких сомнений: нужен был очень сильный и смелый шаг отчаяния, какой-то мощный политический удар по центральным московским общесоюзным инстанциям, что только решимостью пойти на очень высокую жертву, нечто вроде *Кидуш ха-Шем* (священного экстаза самопожертвования) во имя цели исхода, не побоявшись возможных жестоких репрессий, — только этим можно было надломить полувековой «железный занавес». И такой надлом вследствие мартовской демонстрации 1971 г. действительно был сделан. Вот как это происходило.

В результате предварительных переговоров между нашими долголетними отказниками⁸ группа рижан решила поехать в Москву и устроить в приемной Президиума Верховного Совета СССР демонстрацию с требованием разрешения на выезд в Израиль в присутствии иностранных корреспондентов. Однако вся сложность ситуации заключалась тогда в том, что до этого в той же приемной уже побывала группа из 22 москвичей, затем грузинские евреи, а также группа из Литвы. Некоторые добились положительного решения своих требований, и туда ста-

ли приходиться, как за «панацеей», отдельные лица и семьи из разных городов Союза.

Мы стояли перед сложной дилеммой: не будет ли наш поход повторением предыдущих посещений этой инстанции. На своем большом и горьком опыте борьбы за исход мы неоднократно убеждались, что в Советском Союзе в этом вопросе нельзя действовать шаблонно, а необходимо каждый раз находить новые эффективные меры воздействия, не выходя, однако, за пределы существующей формальной советской законности.

Мы созвали тайный совет нашей группы, в который кроме меня входили Арнольд Нейбургер, Симон Гасуль, Иосиф Ройтман, Борис Иофис. Мы также непосредственно контактировали и сотрудничали с Давидом Иофисом, Гесей Камайской, Давидом Зандом, Вульфом Файтельсоном, Сашей Мясниковым, Ильей Бриловичем, Долей Буриным, Нисимом Белиным и другими преданными активистами еврейского движения в Риге. Было решено пойти на дальнейшее усиление давления на власти в вопросе выезда в Израиль. После продолжительной дискуссии был разработан план проведения массовой политической демонстрации в Москве с основным требованием исхода в Израиль, но также включая протест против репрессий властей и требование освободить наших арестованных товарищей.

В последующие дни мы встретились с другими активистами нашего движения, нашими товарищами и единомышленниками — Гесей Камайской, Вульфом Файтельсоном и старыми бейтаристами-сионистами Давидом Иофисом и Эзрой Русинек, которые с пониманием, одобрением и сочувствием отнеслись к нашему дерзкому плану.

Немаловажное значение имел выбор подходящего времени действий — сразу после праздника 8 Марта и на определенном отдалении во времени перед началом готовящегося XXIV съезда КПСС, с тем чтобы перед этим успел прореагировать советский государственный бюрократический аппарат. Следовательно, мы остановились на дате 10 марта из расчета, что вечером 9 марта основная группа выедет вечерним поездом из Риги и наутро заблаговременно прибудет в Москву. Кроме того, мы решили не сразу объявить голодовку, а постепенно усиливать политическое давление — сперва обратиться с относительно умеренным заявлением, с одним лишь обычным для нас требованием о разрешении на выезд и только в дальнейшем, в случае упорства властей, прибегнуть к крайности — к групповой голодной демонстрации при максимальном освещении этой акции международными прессой и радио.

Соответствующие два документа были нами заранее подготовлены, подписаны всеми будущими участниками демонстрации, и несколько наших товарищей, в частности Геся Камайтская, Вульф Файтельсон, Илья Валк и Давид Занд, заблаговременно, за несколько дней до начала нашей операции, выехали в Москву, чтобы подготовить через наших московских друзей зарубежных корреспондентов к предстоящей массовой демонстрации евреев в Президиуме Верховного Совета СССР. Это было одним из ключевых моментов нашей акции. Синхронность наших действий с немедленной реакцией западной прессы на происходящие события должны были стать залогом успеха, а в некотором смысле — и нашей безопасности. Мы полагали, что власти едва ли пойдут на большой скандал накануне съезда партии в Москве, когда уже станут съезжаться многочисленные зарубежные гости.

Вторым очень важным тактическим условием мы выдвинули: ни в коем случае не соглашаться на индивидуальные приемы, что регламентировалось сложившейся практикой работы Президиума Верховного Совета СССР — высшего советского государственного учреждения, как и всех прочих советских инстанций при рассмотрении жалоб. Мы запланировали настаивать, вопреки их рутинной практике, на коллективном и гласном обсуждении с ответственными и полномочными государственными представителями суть проблемы, причину, основание, законность и незаконность отказа.

Большинство из нашего актива к этому времени, естественно, хорошо ориентировались в советском и международном законодательстве, касающемся юридических положений и кодексов о правах граждан на свободный выбор страны проживания, исхода и возвращения и, таким образом, были готовы к квалифицированной дискуссии, если такая возникнет.

Все детали и возможное развитие событий столь ответственной и опасной акции, конечно, было невозможно предвидеть, и мы условились не терять контакта друг с другом в процессе проведения акции, держать по возможности контроль над событиями, не допускать отдельных невыдержанных, крайних безрассудных выходов, полагаясь в основном на наш большой опыт и здравый рассудок.

День первый

10 марта, к 11 часам утра, 56 рижских евреев, прибывших в Москву частично ночным поездом, а частично — утренним самолетом, явились в приемную Президиума Верховного Совета СССР и расположились в зале приемной, уже открытой к этому времени для посетителей.

В 12 часов в секретариат приемной нами был внесен наш первый документ, адресованный Президиуму Верховного Совета СССР, в котором содержались просьбы о разрешении на выезд в Израиль, об освобождении арестованных товарищей и обращалось внимание на издевательское, бесчеловечное обращение начальника ОВИРа Латвийской ССР Кайи с евреями, которым было отказано в выезде в Израиль.

Вскоре к нам вышел заместитель заведующего приемной Президиума Верховного Совета СССР Думин и предложил собравшимся выделить из своей среды группу из трех-пяти человек для собеседования. Мы отказались, заявив, что не представляем собой организации и никто из нас не может быть уполномочен для представительства. Думин не стал продолжать и удалился за перегородку. Через некоторое время он снова вышел к нам и объявил, что наше дело является компетенцией исключительно Министерства внутренних дел, что наше заявление ими туда переправлено, и он рекомендовал присутствующим пойти в МВД СССР за ответом.

Было ясно, что наше заявление и групповое присутствие пока еще не возымело никакого воздействия на власти. К этому времени в приемную начали стекаться евреи из других городов, которые уже в течение нескольких дней по этому же вопросу обивали в Москве пороги различных общесоюзных инстанций. Чтобы отделаться от них, одна инстанция впустую препровождала евреев в другую, а та — в третью или обратно и т. д. Этот опыт был для нас очень важен, и мы решили максимально долго продержаться в приемной.

Ознакомившись с заявлением рижан, отдельные евреи, семьи и группы из Львова, Бердичева, Минска, Вильнюса, Каунаса и других мест решили присое-

диниться к нам и в дальнейшем выступать совместно, в том числе участвовать в запланированной предстоящей голодовке. Так сложилась та массовая общесоюзная демонстрация, которая столь ошеломила советское руководство. Оно, вероятно, втайне заподозрило наличие в Союзе глубоко законспирированной мощной сионистской организации, «руководимой, направляемой и финансируемой» из каких-то мифических зарубежных центров. Эта мысль откровенно звучала впоследствии на страницах разнузданной советской пропаганды.

Томительно и напряженно тянулось время. В секретариате часто звонили телефоны, какие-то подозрительные лица посещали приемную, проходили в зал изнутри здания, внимательно осматривали нас и возвращались обратно. Чувствовались большое напряжение и нервозность властей, несмотря на видимость обычной работы приемного дня этого учреждения для общесоюзных жалоб.

В два часа дня, не добившись прогресса, мы вручили новое заявление за подписью 156 человек, в котором, кроме предыдущего требования о выезде в Израиль, указали, что «...в знак протеста против насильственного удержания нас на территории СССР мы объявляем голодовку!». С этого момента, как было передано для информации на Запад, официально началась известная мартовская демонстрация советских евреев 1971 г., которая продолжалась 26 часов.

После вручения документа все собравшиеся евреи-демонстранты в полной тишине расположились вдоль стен и за столами посреди зала. Впервые за 53 года советской власти высший государственный форум СССР стал свидетелем небывалого вызова горстки людей, дерзнувших посягнуть в своем отчаянном национальном стремлении на устои «железного занавеса». Через некоторое время в зал приемной прошли несколько иностранных корреспондентов. Несмотря на наличие сотен людей, в зале царил тишина. К корреспондентам подходили евреи и охотно рассказывали, что привело сюда каждого.

Юноша Гриша Валк поведал горькую историю своей семьи: пятнадцать лет они непрерывно добиваются выезда в Израиль. Когда они впервые возбудили ходатайство о выезде и представили документы, он был еще ребенком, а в этом году его исключили за это из института. Отец его умер от горя и боли, не дожив до возможности увидеть землю Израиля. Его предсмертным пожеланием было, чтобы его дети — три сына — жили в Израиле. Воля отца до сих пор оставалась неисполненной...

Рива Александрович рассказала о жестокой участи ее дочери Рут, которую советские власти уже в течение нескольких месяцев держат под арестом в застенках тюрьмы за ее горячее стремление жить со своим народом в Израиле.

Один за другим евреи подходили к корреспондентам, и перед их глазами раскрывались жестокие картины насилия над волей и чувствами людей.

Затем в зал вошли несколько человек в штатском — работники милиции или КГБ — и предложили корреспондентам последовать за ними в вестибюль для проверки документов. Корреспондентам было приказано немедленно покинуть помещение приемной.

Мы остались одни. Замечаем, что в вестибюле и в самом зале появились пополнения подозрительных штатских. Они внимательно следят за каждым нашим движением и, возможно, тайно фотографируют. Несколько наших товарищей решили выйти взглянуть, что творится снаружи здания, однако назад в зал их больше не пропустили. К четырем часам дня парадная дверь приемной была уже закрыта.

Заканчивался рабочий день. Начинало темнеть. Будоражила мысль: что будет дальше? Но мы, однако, были полны решимости стоять на своем до конца. Из окон замечаем, что к зданию Манежа, напротив приемной Президиума, стали съезжаться автобусы с милиционерами и курсантами милиции. Возле них патрулируют высокие чины МВД в зимних шинелях с казацкими шапками-папахами. Это для нас — дело начинает принимать серьезный оборот.

Вот и ровно пять часов. Рабочий день приемной официально окончен. Дежурные приемной одновременно, словно по сигналу, поднимаются со своих мест, складывают бумаги и уходят. Однако через несколько минут они вновь возвращаются и усаживаются на прежние места, пристально наблюдая за происходящим в зале. В зал входит служащий, он деловито и поспешно подходит к окнам и зашторивает их. Нас оставляют в затемненном помещении, очевидно, для того, чтобы снаружи мы были недоступны для взоров корреспондентов и посторонней публики. В таких неопределенных ожиданиях проходит некоторое время.

Вдруг в зале вспыхивают все лампы. Сейчас что-то произойдет. В зале появляется заведующий приемной Президиума Верховного Совета СССР Складов в сопровождении его заместителя Думина. Складов обращается к присутствующим, и начинается ожесточенная словесная перепалка.

— Граждане! — начал Складов. — Вопрос, с которым вы обратились к Президиуму Верховного Совета, относится к ведению Министерства внутренних дел. Ваше заявление мы уже направили в МВД СССР, и там вы сможете получить ответ. Мы дали им указание разобраться в вашем деле и ответить вам. Ничего другого мы вам сообщить здесь не можем. Если у кого-то из вас имеются индивидуальные заявления, мы готовы их рассмотреть в соответствии с принятым у нас положением. Общего, огульного рассмотрения здесь быть не может.

— Чем, какими принципами руководствуются власти при рассмотрении вопроса о выезде евреев в Израиль? — спросил кто-то с места.

Складов:

— Соответствующие органы внимательно рассматривают эти заявления и, насколько мне известно, не препятствуют выезду за границу лицам для объединения членов разрозненных семей.

— Это неверно! — перебили Складова одновременно несколько человек и стали приводить примеры ответов официальных лиц при отказах.

— У меня в Израиле мать, я много лет добиваюсь переезда к ней, — поднялся Эзра Русинек. — Последний раз мне отказали в этом году, и начальник ОВИРа Латвийской ССР Кайя мне сказал так: «У вас есть работа, есть крыша над головой, сидите и работайте. Нечего вам объединяться. Семейой считаются только те люди, которые живут под одной крышей...»

— А я знаю совершенно одинокого холостого человека, — вступил Арнольд Нейбургер, — у которого все родственники в Израиле, и ему в Риге, в ОВИРе, машинально, как под заведенную пластинку, ответили шаблонной отказной фразой: «Вы составляете отдельную благоустроенную семью, и вам в Израиле нечего делать...»

— Много лет наша семья безуспешно ходатайствует о выезде в Израиль, — с возмущением сказал Исаак Эльяшевич, — и нам никаких мотивов не приводили. За то, что мы хотели выехать в Израиль, моего сына исключили из института и забрали в армию. А теперь нам отказывают, дескать, из-за сына, потому что он служит, а военнослужащих, мол, не выпускают. Как это назвать — «внимательный подход» или издевательство?

Евреи наступали на представителя власти один за другим. Скларов и Думин приводили малоубедительные объяснения.

Тут вновь выступил Арнольд Нейбургер, кандидат технических наук, хорошо изучивший юридические основы формально действующих в Советском Союзе законов и положений об эмиграции (совсем недавно он получил отказ):

— Мы не согласны с индивидуальным подходом властей к решению нашей проблемы о выезде в Израиль. Наши требования основаны на советских законах — Основных гражданском законодательстве Союза ССР и союзных республик, статье 9, и международных соглашениях — Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В этих фундаментальных документах прямо говорится о праве граждан по своему усмотрению выбирать место жительства, покидать свою страну и возвращаться в нее. Там ничего не сказано об индивидуальном подходе к рассмотрению желания граждан выехать в другую страну, в нашем случае в Израиль. Следовательно, наше требование о выезде из СССР в Израиль является вполне законным, а индивидуальный подход властей и ограничение выезда граждан вопреки их воле следует признать незаконными. Вот почему мы и прибыли сюда, чтобы добиться соблюдения наших прав и законности.

— Советский Союз не ратифицировал эти международные документы, поэтому они не имеют юридической силы на территории СССР, — отпарировал за своего шефа Думин. — Они имеют только рекомендательный характер.

— Это неправда! — наперебой донеслось из зала. Объяснение опять начинало входить в неорганизованный диспут, спор и крики.

— Мы вам здесь все разъяснили, — пытался убедить демонстрантов Скларов и склонить их уйти. — А сейчас вы должны покинуть помещение и разойтись по домам.

— Наш дом — Израиль! Отпустите нас домой! — послышались голоса из разных концов зала.

— Вы родились в Советском Союзе, здесь ваша родина, и вы обязаны подчиняться советским законам, — строго сказал Скларов.

Но евреи были непреклонны.

— Мы до сих пор не получили удовлетворительного ответа на наше заявление о выезде в Израиль, — начал я, Давид Зильберман, дискутировать с Думиным и Скларовым. — Вы заявили, что наши дела будут пересмотрены. Хорошо. Допустим. Но наши дела много раз пересматривали из года в год, и нам все время беспричинно отказывали. Вы здесь должны нам со всей ответственностью заявить, что будет положено в основу предстоящего пересмотра наших дел и чем этот пересмотр будет отличаться от всех предыдущих. Мы должны знать, каким категориям лиц будет разрешено и каким отказано. Кто может рассчитывать на разрешение, а кто нет. Без этого мы не можем разъехаться из Москвы. Ничего этого вы нам не сказали. Если вы недостаточно компетентны, пусть к нам придет представитель с большими полномочиями и сделает соответствующее разъяснение.

— Пусть к нам придет вот этот, этот или этот! — выпалили рижанин Рахмил Шлупер, ткнув указательным пальцем на висящие портреты Брежнева, Подгорного и Косыгина. — Пусть они нам скажут, а без этого мы не уйдем!

Это, конечно, было слишком вызывающе, и мы стали опасаться, не взорвется ли Скларов. Но он сохранял видимость спокойствия, не отреагировал на эту дерзкую реплику, а сконцентрировался на предыдущем аргументе:

— Вопросы выезда из СССР за границу являются предметом внимательного и всестороннего рассмотрения специальными учреждениями каждого отдельного случая, и никаких особых принципов здесь нет. Если бы, например, давали разрешение на выезд только блондинам или только брюнетам, а другим нет — это был бы принцип! — неуклюже отбивался Скларов от наших аргументов.

— Именно так вы и поступаете! — бросил реплику кто-то из зала при оживленном одобрении присутствующих.

— Я еще раз подчеркиваю, — повторил свою мысль заведующий приемной, — только соответствующие органы уполномочены рассмотреть ваши заявления в индивидуальном порядке, и результаты вам сообщат. А теперь, пожалуйста, оставьте помещение и не нарушайте общественный порядок.

Но никто не собирался трогаться с места, спор продолжался, перерастая порой в сплошной шум и гам. Руководители приемной несколько раз настойчиво потребовали разойтись, ибо будут это рассматривать как вызывающее нарушение общественного правопорядка с серьезными последствиями, но никто из евреев не шелохнулся. Наконец, Скларов и Думин ушли, и за ними тут же выключили свет.

Сразу стало непривычно тихо. На улице полностью стемнело. Тянутся долгие минуты, но из секретариата никто не расходится. Вот со своего места поднимается Сея Нахимовский и, обращаясь к присутствующим, говорит:

— Дорогие друзья! Евреи! Приближается вечер. Я поздравляю вас с наступлением праздника Пурим, праздника чудесного избавления нашего народа! — зал огласился бурными аплодисментами.

В секретариате заметно зашевелились, стали перешептываться, и снова стало тихо.

Тут из-за стола в центре зала поднимается молодой человек в ермолке, Боря Иофис, подходит к окну, из щелей штор которого брезжит свет уличных фонарей, и, держа в руках молитвенник, с достоинством произносит:

— Дорогие евреи! Я вам прочту в оригинале, на языке наших праотцев иврите, несколько отрывков об Исходе наших предков из Египта и буду переводить на русский. Это сказание взято не из истории праздника Пурим, а из пасхальной Агады, но оно имеет непосредственное отношение к нам, к событиям, что происходят сегодня со всеми нами.

И полились священные слова древнего Писания:

— И сказал Господь Моисею: завтра встань рано, и явись пред лице фараона... и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ мой... (Исх. 8:20). — В огромном зале воцарилась гробовая тишина, слезы невольно выступили из сотен глаз мужчин, женщин, молодых, пожилых. Древняя священная молитва словно проникала в самое сердце. Это были поистине великие мгновения, когда-либо пережитые советскими евреями в борьбе за свое национальное достоинство.

Прекратилось чтение, и опять стало совершенно тихо.

— Товарищи! — обратился Вульф Файтельсон к демонстрантам. — Возможно, по отношению к нам применяют силу. Я попрошу вас всех не оказывать никакого сопротивления, чтобы не дать им повода для провокации. А пока будем держаться так, сколько возможно.

Так проходит некоторое время, уже семь часов — на задней стене висят большие часы. Снова включили свет. В зал входит мужчина средних лет и представляется комендантом приемной. Он требует, чтобы помещение освободили для

уборки. Но демонстранты не собираются покидать зал. Комендант настойчиво повторил свое требование и предупредил, что будут плохие последствия. Он ушел, но вскоре опять появился и на этот раз стал угрожать, что должен будет включить бактерицидные лампы.

— Включайте! — одобрительно хором ответили евреи.

Комендант ушел и больше не появлялся.

Стелка часов медленно ползет по циферблату. 19 часов 25 минут. И тут, словно взрыв, раздался громогласный приказ:

— Нар-р-ряд! Слушай мою команду! — и в помещение приемной ворвалось большое количество милиционеров, все в высоких офицерских чинах, числом 200—250 человек. Они стали стремительно продвигаться вдоль стен у окон, потребовали, чтобы демонстранты встали со скамеек и отодвинулись. Милиционеры в считанные минуты расположились непрерывным кольцом у стен и разрезали нас на части. Так мы вмиг оказались окруженными и расчлененными на несколько групп.

В зал вошел одетый в штатское заместитель начальника Управления милиции города Москвы генерал-лейтенант Миловидов и строго обратился к евреям:

— Граждане! Вам было дано разъяснение по вашему вопросу, и вы получили исчерпывающий ответ. Ваше дальнейшее пребывание здесь является нарушением общественного порядка. Сейчас вы еще имеете возможность беспрепятственно покинуть помещение. Даю вам две минуты! — Генерал Миловидов демонстративно вынул свои карманные часы. — В противном случае мы будем вынуждены действовать со всей строгостью в соответствии с советскими законами!

Воцарилась мертвая тишина.

— Прошла одна минута! — громко протянул генерал.

— Тридцать секунд! Нар-р-ряд!

В этот миг передние ряды отступили к выходу. Сопротивляться было бессмысленно. На свободе мы еще сможем продолжать борьбу, а если арестуют, то пришьют какую-нибудь статью о хулиганстве, и все дело, ради которого положено столько сил и риска, может быть проиграно.

— Лучше уйти, а завтра снова явиться... — в считанные секунды мозг лихорадочно перебирает мысли, варианты, последствия... И мы пустили по рядам указание, что необходимо немедленно уйти, но не расходиться и ждать снаружи.

Не спеша, не роняя достоинства, мы стали покидать приемную Президиума. Вестибюль был битком запружен милиционерами, мы проходили сквозь узкий коридор шпалер из живых менекенов. Они сопровождали нас самодовольными ухмылками, непристойными шутками, даже матом.

— Прав захотели, ишь ты... — донеслось до меня из их рядов ядовитое слово одного вытянутого в струнку рыжего майора.

— В Сибирь их! Избаловали! — одобрительно ответил ему другой, стоявший рядом офицер.

Но сознание того, что мы, горстка евреев, смогли привести в движение всю эту государственную машину КГБ—МВД и привлечь к нашей борьбе за исход внимание мировой общественности, давало глубокое удовлетворение. Значит, наш сегодняшний день прошел не зря.

Мы вышли на улицу. После целого дня, проведенного в закрытом помещении, обдало непривычной свежестью и холодом.

— Что дальше? Куда пойти? Стоять ли тут, пойти на Красную площадь или укрыться на Центральном почтамте? — эти мысли не дают нам покоя. С нами не-

разлучны несколько друзей-москвичей, прекрасно знающих столицу. На улице очень холодно, за нами следят сотни агентов милиции и КГБ в штатском. Мозг занят только одним — как бы лучше отреагировать, ответить достойно на это насилие и унижение. Необходимо показать, что нас не сломили, что мы продолжим бороться и голодовка не прекращается! Нужна экстренная фототелеграмма в адрес советского правительства, Президиума Верховного Совета СССР, откуда нас только что выгнали. В считанные минуты большинство с этим согласилось. Наша группа неразлучна, Арнольд Нейбургер хорошо знает столичный город, и мы идем на Центральный телеграф. Это оказывается совсем недалеко, на улице Горького, всего в нескольких кварталах от приемной Президиума Верховного Совета.

Придя на место, мы быстро составили текст, попросили у почтовой служавшей самый крупный бланк, аккуратно написали текст от руки печатными буквами и за подписью 149 человек оформили следующую коллективную фототелеграмму:

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному
от еврейских семей, которым отказано в выезде в Израиль.
Москва, 10 марта 1971 г.

Мы, евреи из разных городов СССР — Риги, Минска, Вильнюса, Каунаса, Даугавпилса, Львова, Бердичева, Кисловодска и др. — сегодня, 10 марта 1971 г., обратились в Президиум Верховного Совета СССР с требованием разрешить нам выезд в Израиль.

Не получив удовлетворительного ответа на наше заявление, в знак протеста против насильственного удержания нас на территории СССР мы объявили голодовку.

В 19.30, подчинившись угрозе применения силы со стороны милиции, мы покинули помещение приемной Президиума Верховного Совета СССР, однако продолжаем голодовку до получения удовлетворительного ответа.

(подписи)

Мы вручили лист телеграфистке. Та с удивлением посмотрела на густо заполненный бланк, исписанный многочисленными подписями, однако, ничего не сказав, оформила квитанцию и приняла оплату.

После этого мы решили разойтись, с тем чтобы наутро снова явиться в приемную Президиума и продолжить борьбу.

Десятки евреев-москвичей были неразлучны с нами в своей солидарности, проводывали нас, координировали наши действия и информировали «корргов» (т. е. западных корреспондентов). А теперь более сотни людей были распределены ими на ночлег.

В тот же вечер «Кол-Израэль» и другие ведущие радиовещательные станции Запада уже сообщали о демонстрации советских евреев в Москве. Эта поддержка, понятно, придала нам новые силы для предстоящей борьбы, последствия которой еще невозможно было предвидеть.

День второй

На следующее утро, 11 марта 1971 г., ко времени открытия приемной Президиума Верховного Совета СССР, к 11 часам, евреи — участники демонстрации с объявлением голодовки снова явились к зданию приемной, расположенному вблизи и в прямой видимости от Кремля, почти напротив Кремлевского Дворца съездов. Увидев прибывающих евреев, в зал поспешно вышел навстречу Думин

и объявил, что ничего нового нам больше не будет сообщено, и настойчиво потребовал покинуть приемную. Единственно, он выразил также готовность принять людей в индивидуальном порядке, если кто-либо того пожелает.

Несколько человек последовали за ним в кабинет. Другие сгрудились за столиками в центре зала и стали обсуждать ситуацию. Мы понимали, что дальнейшее наше пребывание в приемной Президиума советские органы власти будут рассматривать как открытую обструкцию, вызывающую провокацию к конфронтации и нарушение правопорядка, как это было вчера и закончилось нашим изгнанием, ибо формально на наше вчерашнее заявление нам уже был дан ответ и было предложено пройти в МВД СССР, которое располагалось по адресу ул. Огарева, 6.

Чтобы оправдать наше упорное пребывание в помещении приемной Президиума, по нашему мнению, советской бюрократической машине был необходим новый документ, в котором мы четко и конструктивно, не требуя невозможного с точки зрения властей, сформулировали бы наши требования и условия прекращения голодовки. И тут же за столом в зале приемной мы составили новое коллективное заявление, в котором углубили наши требования, сформулированные в предыдущих документах:

Принимая во внимание интересы Советского Союза, которыми руководствуются соответствующие органы при рассмотрении вопроса о выезде евреев в Израиль, при уважении также и наших прав, мы ставим условием прекращения голодовки получение удовлетворительного ответа на следующие два вопроса.

А. Что является, с точки зрения советских властей, законной причиной для отказа в выезде в Израиль, т. е. какие конкретные факторы препятствуют получению разрешения или, иначе говоря, что такое «мотивированный отказ»?

Б. Получим ли мы разрешение на выезд в Израиль, если мы и члены наших семей не относимся к категориям лиц, которым может быть вынесен такой «мотивированный отказ»?

До получения ответа на эти два вопроса мы будем продолжать голодную демонстрацию.

(подписи)

Иначе говоря, мы конструктивно поставили перед советским правительством нашу проблему, требуя в этом деле порядка и какой-то законности. Такой подход, с нашей точки зрения, был логично приемлемым для советских властей и в то же время аргументировал бы наш настойчивый отказ от общепринятого в СССР индивидуального приема для рассмотрения жалобы, поскольку речь шла о решении общего принципа.

Вместе с тем в случае получения положительного ответа на эти два вопроса мы имели бы основание или сигнал для прекращения голодовки. Большинство присутствующих с этим согласились и тут же в зале подписали этот документ. Вручая его секретариату приемной, мы сделали при этом следующее устное заявление:

— Мы до сих пор не получили положительного ответа к решению нашей проблемы и потому продолжаем голодовку. Здесь содержится наше новое заявление с двумя конкретными вопросами. Сейчас мы направляемся в Министерство внутренних дел за ответом на наше вчерашнее заявление. В случае положительного ответа в МВД на эти указанные два вопроса мы сюда больше не вернемся, разведемся и будем ждать. В противном случае мы оставляем за собой право снова прийти сюда, в приемную Президиума, и находиться здесь столь долго, пока не получим удовлетворительного решения нашего дела.

Секретарь взяла наше заявление и поспешно куда-то отнесла.

Это был очень важный конструктивный документ, который, очевидно, вскоре попал прямо в руки министру внутренних дел, поскольку в дальнейшем именно вокруг этих двух положений разгорелась наша борьба.

Некоторые наши товарищи скептически относились к обилию документов, которые мы, активная группа — несколько человек, продуцировали и предлагали на подпись. А лично я в тот день получил от Эзры Русинека насмешливую ядовитую кличку «графоман» — прорвались старые внутренние противоречия и разногласия между участниками различных рижских активов.

Зато с Вульфом Файтельсоном у меня состоялся такой мимолетный разговор:

— Вульф, мы сейчас у фараона. Нам надо сделать так, чтобы мы им стали приятны, как пастухи Якова, помнишь? Только тогда они нас отпустят. Египтяне терпеть не могли запаха овчин. Нам надо дать им понюхать нашу шкуру...

Вульф добродушно улыбнулся и в знак одобрения ритмично покачал по своей привычке головой — древняя библейская аналогия удивительно соответствовала нашей современной советской действительности.

Примерно в 12.30, с тем чтобы успеть ровно к 13.00, как было заранее сообщено иностранным корреспондентам, еврей-демонстранты группами вышли из приемной Президиума Верховного Совета СССР и пешком направились в Министерство внутренних дел на ул. Огарева, 6.

Был промозглый мартовский день. Удивленные москвичи-прохожие с любопытством наблюдали, как десятки евреев шагают плотной массой по центральным улицам советской столицы, многие при этом говорят по-еврейски, тематика разговора — выезд в Израиль, что так необычно для Москвы... Настроение при этом у всех приподнятое. Наше шествие растянулось на несколько кварталов. Несомненно, каждый наш шаг был в поле зрения властей, и они, понятно, учитывали то неблагоприятное впечатление, которое еврейская демонстрация производит на московскую публику, и особенно на иностранных гостей, уже начавших съезжаться в Москву к XXIV съезду КПСС.

Евреи группами подошли к зданию Министерства внутренних дел, подождали, пока соберутся все участники демонстрации, и вместе зашли в помещение приемной МВД.

В ожидании приема там было несколько посторонних, похоже, не евреев.

Я обратился к дежурному милиционеру:

— Мы группа евреев из восьми городов СССР. Нас направили сюда из приемной Президиума Верховного Совета СССР, с тем чтобы мы могли получить ответ на наше коллективное заявление в адрес Президиума Верховного Совета СССР. Пожалуйста, передайте начальству, чтобы к нам вышли на переговоры или побеседовали с нами в каком-нибудь кабинете.

— Хорошо, подождите, — ответил милиционер и зашел в кабинет начальника общесоюзного ОВИРа.

Через пару минут дежурный вышел и заявил:

— Пожалуйста, записывайтесь и входите по одному, — при этом он положил нам чистый лист для записи.

— Мы не можем заходить по одному, потому что у нас у всех один и тот же вопрос, — возразил я ему. — Нам необходимо, чтобы он был решен в принципе. Вы передайте вашему руководству, что мы не ждем от них индивидуального решения, нам важно знать только суть дела — в чем именно предстоящий пере-

смотр наших дел будет отличаться от всех предыдущих. Мы по одному входите не станем, мы ждем, чтобы к нам вышел ответственный представитель и сделал соответствующее разъяснение по нашему вопросу.

Милиционер снова зашел в кабинет начальника и опять вернулся с тем же предложением об индивидуальном приеме. На столе у него лежал тот же чистый белый лист для записи на прием.

А у нас само собой сложились невидимая спайка и дисциплина, несмотря на внешний шум и споры. Евреи из разных городов и мест, несмотря на то, что многие даже не знали друг друга или бегло познакомились только в эти дни, беспрерывно следовали согласованной линии, никто не порывался на, казалось бы, «соблазнительный» индивидуальный прием, все сплоченно стояли на своем. Мы ждали.

Линия фронта проходила теперь на принципе — быть ли индивидуальному приему, как это испокон заведено во всех советских учреждениях, или мы пробьем рутину и заставим их представителей говорить перед коллективом.

Последние посторонние посетители решали свои дела и покидали приемную. Мы оставались одни. Из кабинета начальника вышел какой-то подполковник милиции и бросил дежурному беглую, словно невзначай, фразу: «Ну что, записались?» Милиционер отрицательно покачал головой, а подполковник деловито, словно наше посещение его вовсе не интересовало, прошагал в другую, заднюю дверь. Стало очевидно, что власти проявляют по отношению к нам необычную озабоченность. Они нас, понятно, не испугались, но, несомненно, что-то происходит.

Это укрепило нашу решимость держаться дальше наших принципов, тем более что времени до конца официального приема еще было достаточно.

Несколько человек, наш актив рижан, стояли в передних рядах в ожидании словесной баталии с властями. Но шло время, миновало минут 15—20, и никто не появился. Мы начали уже настраиваться на долгое ожидание и кое-как разместились в помещении, которое было несравненно меньшим, чем приемная Президиума Верховного Совета СССР, и, очевидно, оно не было предусмотрено для такого количества посетителей.

Наконец, вышел начальник ОВИРа МВД СССР полковник Овчинников в сопровождении двух подполковников милиции и обратился к нам:

— Граждане! Вам было заявлено, что ваши дела будут пересмотрены и вам будет об этом сообщено. Если кто-либо хочет сообщить конкретно что-нибудь о себе, ему предоставляется такая возможность. Вопросы выезда из СССР за границу рассматриваются нами в каждом отдельном случае с учетом многих факторов. Единого общего решения здесь быть не может. Ни для кого не является секретом международная обстановка на Ближнем Востоке и агрессивный внешнеполитический курс Израиля, и мы не намерены поставлять Израилу пушечное мясо.

— Вы заявили, что наши дела будут пересмотрены, — прервал его один из участников демонстрации. — Мы хотим знать: чем этот пересмотр будет отличаться от всех предыдущих решений наших дел, когда нам неизменно и беспричинно отказывали?

Овчинников:

— Мы получили указание пересмотреть ваши дела, и мы их будем пересматривать, но только в индивидуальном порядке. И заявляю вам твердо: общего приема не будет. Записывайтесь и заходите по одному.

Несколько человек пытались вступить с Овчинниковым в спор, но полковник решительно объявил, что никто с группами разговаривать не будет, и, чеканя шаг, вся свита офицеров МВД ушла в кабинет, демонстративно с силой захлопнув за собой дверь.

Мы вновь остались наедине с собой перед лицом равнодушного дежурного милиционера.

Вдруг замечаем, что к зданию МВД подъехало несколько легковых автомашин, из них вышли милиционеры и стали у окон и выхода из приемной. Кто-то из наших пытался выйти на улицу проверить, но милиционеры преградили ему дорогу. С этого момента выход отсюда был для нас закрыт и мы фактически были под арестом.

Шло время. Вдруг распахнулась дверь кабинета, и еще раз вышел полковник Овчинников, громогласно объявив:

— Сейчас с вами будет говорить начальник политотдела Министерства внутренних дел СССР генерал-майор Самохвалов! — и, потеряв весь свой важный вид, встал по стойке «смирно» в ожидании выхода более высокой особы.

Мы больше ничего не предпринимали, только стояли непоколебимо на нашем простом принципе и не двигались с места. События стремительно развивались сами собой, как в детективном кинофильме.

Вышел холеный генерал Министерства внутренних дел СССР в сопровождении нескольких высоких чинов МВД и, скривив улыбку, скошенной губой начал:

— Что же это получается, граждане?! Или вы думаете, что у нас нервы слабые? Может быть, вздумали нас испугать? Что это у вас тут — вроде демонстрация, что ли? Я вас хочу предупредить, что этим вы советскую власть не возьмете! Вы нарушаете порядок! Но мы пошли вам навстречу, в нарушение всех правил, и разговариваем с вами сообща. Но не думайте, что это потому, что советская власть слабая и вам все дозволено! У нас имеется порядок рассмотрения дел, и никто вам его нарушать не позволит. Мы даем разрешение на выезд за границу гражданам, и вы сами об этом знаете. Также и ваши заявления будут рассмотрены.

— Чем вы будете руководствоваться в нашем случае, при рассмотрении наших дел? — прервал его кто-то из глубины нашей толпы.

Самохвалов:

— Это вопрос сложный, и общего правила здесь нет. Мы руководствуемся прежде всего государственными интересами Советского Союза.

— Любые действия всяких властей должны осуществляться на основании советских законов, — возразил ему Арнольд Нейбургер, отстаивая свой коронный юридический пункт.

Самохвалов:

— Все действия органов, которые рассматривают ходатайства о выезде за границу, являются строго законными, и никакого противоречия здесь нет и быть не может!

Но Нейбургер продолжал:

— Выезд в другую страну, в нашем случае в Израиль, гарантирован гражданам советскими и международными законами, которые говорят о свободе выбора местожительства.

— Пожалуйста! Выбирайте себе Крым или Кавказ! — со злым ехидством отпарировал генерал Самохвалов.

— Если вы трактуете эти законы как право выбора местожительства только в пределах Советского Союза, то это неверно, — продолжал Нейбургер. — К этому следует прибавить ратифицированные Советским Союзом международные документы, которые имеют юридическую силу на территории СССР, — это Всеобщая декларация прав человека, статья 13, пункт 2, где говорится, что каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и вернуться в нее. То же самое утверждает Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а также Международный пакт о гражданских и политических правах. Таким образом, наше требование о выезде в Израиль гарантировано нам законом, а действия властей, препятствующих нашему выезду в Израиль, следует признать незаконными! — настойчиво закончил Нейбургер.

Самохвалов:

— Вы неправильно понимаете эти международные документы. Они имеют рекомендательный характер, мы с ними считаемся, но также учитываем государственные интересы Советского Союза. Вы знаете, в каких мы отношениях с Израилем, и мы не будем усиливать его военный потенциал и его агрессивность.

— Вопрос нашего выезда в Израиль не имеет ничего общего с ближневосточной политикой ни СССР, ни Израиля, — возразил один из участников демонстрации. — В течение многих лет мы разлучены с родственниками. То, чего мы требуем, — это только право на человечность и гуманность, и это не может сопоставляться никакими политическими соображениями!

— Вы говорите, что даете кому-то разрешения. Да, действительно, одним дают, а другим — нет. Но прежде всего, с подачей документов нас выгнали с работы, лишили возможности нормально жить! — с болью и гневом бросила в лицо генерала Геся Камайская, педагог с многолетним стажем. — Вы заставляете нас в течение многих лет в неведении сидеть на чемаданах. И неизвестно, как долго так нас будут мучить. Вот почему мы прибыли к вам!

Самохвалов:

— Вас никто не заставлял уходить с работы, работайте, живите, как все советские люди.

— Мы не можем жить и работать, как все советские люди, потому что мы считаем своей родиной Израиль и ощущаем себя гражданами Израиля, — возразил другой еврей.

Самохвалов:

— Пока вы находитесь здесь, вы являетесь гражданами СССР и подчиняетесь советским законам!

Неорганизованный спор и перебранка с главным идеологом Министерства внутренних дел СССР продолжались так некоторое время, и, когда он счел, что разговор исчерпан, объявил:

— А теперь, пожалуйста, кто хочет, пусть запишется на прием, а всех остальных попрошу разойтись, о решении вам будет сообщено. Ничего другого мы вам больше сообщить не можем. — И вся группа высоких чинов МВД снова скрылась в своем кабинете.

Что делать? Главного мы еще не добились. Мы понимали, что не можем уехать из Москвы, не получив конкретных заверений о разрешении на выезд. И мы решили стоять до конца, даже если бы в отношении нас снова применили силу, но на этот раз мы договорились, упорствовать, вплоть до того, что милиционеры вынуждены будут вынести нас на руках или арестовать. Но тогда на нас

станет работать этот новый «шум». В любом случае, нам на руку была бы любая громкая акция...

В таких раздумьях, мысленной подготовке новых ответных шагов и еще одного заявления на случай репрессий проходит некоторое время.

Работники МВД высокого ранга взад-вперед снуют в кабинет и обратно. Напряжение не ослабевает, напротив, мы интуитивно чувствуем, что оно нагнетается. Что-то происходит. Видимо, поддерживается непрерывная связь с очень ответственными органами власти СССР, возможно, с правительством или даже с самим политбюро.

Вдруг из задней двери вновь появился генерал-майор Самохвалов и отпарпортовал:

— Сейчас к вам обратится член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, министр внутренних дел СССР генерал-полковник Щелоков!⁹ — и сам недавно казавшийся столь всемогущим генерал Самохвалов вытянулся «по струнке», а за ним, словно на параде, — эскорт полковников, подполковников и майоров МВД; все застыли в напряженном ожидании выхода самого министра.

Эта метаморфоза чинов и чинопочитания от простого дежурного милиционера до самого министра, когда каждый предыдущий начинал с громовержца и тут же на наших глазах в считанные минуты превращался в послушного шавку-подчиненного, во многом напоминала комедийное военное угодничество и чиноположение времен бравого солдата Швейка (по Гашеку)...

Но вот внесли небольшой столик, накрытый зеленым сукном, и поставили графин с водой и стаканом.

Идет минута напряженной тишины. Мы, несколько острых на язык, из задних рядов начинаем пробираться вперед — будет горячая словесная схватка...

Вот и он... Быстрой походкой вошел сам министр в сопровождении нескольких штатских и важных военных в генеральских мундирах МВД.

Низкорослый, круглолицый, розовощекий, свежий, румяный, должно быть, только что с крымских или подмосковных дач, самодовольный и самоуверенный — сама опора советского государственного строя и его правопорядка, министр внутренних дел СССР Николай Щелоков внешнею чем-то напоминал Хрущева. Он оглядел нас и произнес:

— Здравствуйте, граждане! Как вас тут много! И это все ко мне на прием? Всех вас принять не смогу, нет, не смогу. Так вот! У меня есть полтора часа, — Щелоков вынул карманные часы и мельком взглянул на циферблат. — Я только что читал лекцию в университете, а через полтора часа должен быть на московской городской партконференции. Так как нам с вами разговаривать? По одному, или, может быть, у вас тут есть кто-нибудь главный? — министр с хитрецей, в хорошем расположении духа уставился на евреев.

— У нас нет главных и нет никаких организаций, всех нас объединяет только то, что в течение ряда лет нам всем без всякой причины отказывают в выезде в Израиль, — сказал кто-то из нас.

— Понимаю, понимаю, — перебил Щелоков, — ко мне уже обращались с таким вопросом, мы беседовали, занимались, кому сочли возможным, тому дали разрешение. Общего правила здесь нет и быть не может. А почему я вижу тут некоторых, которых уже принимал, с которыми беседовал, почему они здесь? Как это понять?! Чтобы было побольше, так что ли? Что это такое? Вот вы, например, почему вы сюда пришли? Это что? — И он указал пальцем на еврея из Бер-

дичева, стоящего как-то сбоку, поодаль. — Я помню его дело, — повернулся Щелоков к помощнику, который делал заметки в блокноте со слов министра. — Молодой, понимаешь, только что окончил институт, государство на него деньги затратило, родственники его все здесь, а он хочет, видите ли, ехать в Израиль, к какому-то дяде! Вы его дело пересмотрите, но разрешение ни в коем случае давать ему нельзя! — дал он указание своему помощнику.

— Мы хотим, чтобы вы как министр, компетентный представитель, сделали нам разъяснение: по какому принципу будут заново пересмотрены наши дела? — задала вопрос Щелокову из передних рядов.

Щелоков:

— В этих вопросах соответствующие органы подходят с точки зрения гуманности, индивидуально, в каждом отдельном случае. Как, например, я с вами буду решать его дела? — возразил Щелоков и, глядя на задавшего вопрос и жестикулируя рукой, указал на соседа, стоящего рядом. — Я должен побеседовать с вами, потом с ним, сколько успею, столько приму... Я понимаю, когда этот вопрос ставят старые люди, — хотят на старости лет жить вместе с детьми. А вот мне много раз писал один инженер из Риги. Холостой, понимаете, молодой, никого у него ни здесь, ни там нет, а вот пишет, что, мол, хочет в Израиль, потому что, дескать, хочет, чтобы его дети учились по-еврейски. А к чему ему этот еврейский язык? Кому он нужен? Да как мне лунное затмение!

Мы, конечно, поняли, что это была ссылка на дело Арнольда Нейбургера, который незадолго до этого послал заявление об отказе от советского гражданства.

— Мы тоже считаем Израиль своей родиной и тоже хотим, чтобы наши дети посещали еврейские школы! — послышались с разных сторон возражения евреев, перешедшие в разноголосый шум. — Это вполне естественно, нормально! А как все другие?..

Щелоков:

— А вот с Украины, из Одессы, люди так не рассуждают, — и министр начал далее серьезный деловой разговор уводить в сторону. Сложилось впечатление, что он хочет умышленно шутками-прибаутками хрущевского псевдонародного толка сбить накал нашей борьбы, обесценить наши требования, свести их к фарсу. Наша встреча стала превращаться в балаган — демагогию министра, с одной стороны, и споры, ругань, хаотические возражения и выкрики — с другой.

В этот момент я выступил вперед и громко, поскольку стоял гул толпы, произнес:

— Николай Анисимович! — Я бесконечно много писал во всякие советские инстанции и потому знал имена и отчества почти всех членов ЦК в Москве и в Латвии. — Я хочу, чтобы вы нас правильно поняли. Мы не враги советской власти и не от хорошей жизни сюда прибыли. Меня, например, семь лет не выпускают в Израиль к старому одинокому отцу.

Щелоков:

— А почему вы ко мне раньше не обратились? — перебил меня министр.

— Я вам писал десятки раз, вы мою фамилию — Зильберман — должны были бы хорошо запомнить, если бы мои письма к вам доходили. Так почему вы мне ни разу не ответили и не вызвали? Вот это и привело меня сегодня к вам сюда. Но я хочу сейчас сказать о другом. В нашем вопросе, как и в любом другом деле, должны быть законность и порядок. Вот сегодня вы, министр, генерал-полковник, по крайней мере разговариваете с нами, как подобает человеку, вникае-

те, хотите разобраться. А вот начальник рижского ОВИРа подполковник Кайя так с нами разговаривает: «Вот вы увидите Израиль!» — И я вытянул перед министром кукиш для демонстрации моих слов. — Это же издевательство над нашими человеческим и национальным достоинством! А министр внутренних дел Латвии Сея принимал нас до часу ночи и всем отказал, у него были все наши личные дела, а у вас их нет, вы же ему наверно доверяете! Какой смысл нам сейчас это повторять и идти к вам на индивидуальный прием?!

Щелоков (перебивая):

— Кайя и Сея говорят и делают то, что им положено, а тут хозяин я! И как скажу, так и будет! — он сказал, не член ЦК, не министр, а именно «х о з я и н». — У них одна власть, — и министр вытянул вперед руки с узко раздвинутыми вертикально параллельными ладонями. — А у нас — побольше! — и он развернул объятия.

Он ощущал себя поистине хозяином над нашими судьбами...

— Вот почему мы не согласились на индивидуальный прием, — пытался я восстановить нить разговора и продолжал свою мысль, несмотря на царящий галдеж, — начался суший базар, но мне все же удалось донести свою мысль, я стоял очень близко от министра — в первом ряду. — Но нам еще важно знать раз и навсегда, каким категориям евреев будет дано разрешение, а каким будет отказано. Вы должны нам назвать эти факторы. Мы готовы, с одной стороны, считаться с интересами Советского Союза и понимаем, что если какой-то еврей имеет допуск к секретной работе, то он не может рассчитывать на немедленный выезд в Израиль. И так каждая семья, которая планирует выехать в Израиль, должна знать эти принципы и, прежде чем возбудить ходатайство о выезде, должна прежде всего ликвидировать эти препятствия, скажем, перейти на другую работу и так далее. Вот и назовите эти факторы, пусть их много, но перечислите конкретно. Но, с другой стороны, каждой еврейской семье, у которой указанных препятствий нет, должно быть гарантировано, что она получит возможность выехать в Израиль. Иначе говоря, мы настаиваем на законности и порядке в этом деле, логичности ваших решений. Вот в чем суть наших требований!

Щелоков:

— Я понимаю вас, у вас конструктивный подход, я вам отвечу, — и министр внутренних дел СССР сделал тогда то важное заявление и пояснение, в рамках которых постепенно последовала массовая алия. — Ну, как вы сами понимаете, мы не будем отпускать людей, имеющих отношение к нашим государственным секретам. Хочет уехать — пусть уйдет, поработает где-нибудь, забудет все это, тогда и будем рассматривать.

— А сколько примерно после закрытия допуска должно пройти времени? — спросил кто-то.

Щелоков:

— Я думаю, года три-пять, в зависимости от важности того или иного объекта. Не можем мы отпускать также тех, кто служит у нас в армии, — должен пройти определенный период, пока военные установки, которые он видел и обслуживал, устареют и не будут представлять интереса для врага. Не будем мы отпускать, например, лиц, находящихся под судебным следствием или имеющих отношение к судебным процессам. Допустим, мы ему дадим уехать, а он вдруг понадобится для суда. Ищи-свищи его. Мы знаем такие случаи. Мы также не позволим уезжать ценным специалистам или только что окончившим институты и

университеты. Пусть поработают, оплатят государству затраты на них, тогда посмотрим. Вот вы тут стоите передо мной человек пятьдесят, а знаете ли вы, что вот так, ничего не беря с собой, отпусти вас, так вы увозите с собой полмиллиона советских денег! (Очевидно, министр оценил нас по десять тысяч рублей за голову.) Или, например, в каком-то городе, где работают 80 врачей, скажем, 60 захотят уехать. Можем мы им дать уехать? Нет, не можем... (Не случайно министр подумал о врачах, наиболее распространенной профессии среди евреев, да и кличка еще свежа с 1953 г. — «врачи-отравители».) Как, вы сказали, ваша фамилия? — спросил меня Щелоков.

— Зильберман. — Я заметил, что его помощник в штатском немедленно стал что-то записывать в своей записной книжке. Теперь каждое мое слово лично для меня имело вес в решении всей моей жизненной судьбы.

Щелоков:

— Чем вы занимаетесь?

— Я инженер-теплотехник.

— Имели допуск к секретной работе?

— Нет, не имел, — ответил я.

Тут в разговор вступил его заместитель в штатском:

— Теплотехника, она всегда открытая, там секретов не бывает.

Щелоков:

— Когда вы окончили институт?

— Четырнадцать лет назад, и все годы я непрерывно работал. Я полагаю, что уже давно рассчитался с государством, — внутри меня всего колотило.

— Вы подписывали телеграмму?! — строго спросил меня министр.

— Да, подписывал.

— Так вот, — министр ткнул на меня указательным пальцем, — вы напишите телеграмму в адрес Леонида Ильича Брежнева и извинитесь за бестактность!

— Но мы же не писали Брежневу! — возразил я ему.

— Мне читали ее, и мне было стыдно за вас!

— За что же? Мы просили только о выезде в Израиль.

— Вы потеряли чувство гражданской совести! Это же настоящее хулиганство! Вы переступили грань дозволенного! Я понимаю, конечно, как это было. Написал какой-то дурак и за компанию, как говорится... — Видно, хлестанула министра в тот миг где-то изнутри старая простонародная русская антисемитская поговорка «за компанию и жид повесился», но он вовремя спохватился и сделал секундную паузу. Очевидно, смекнул, что это не та компания, чтобы по достоинству оценить такую его остроту.

Министр на миг замешкался и закончил фразу скороговоркой, ни к месту сказанными словами:

— ...за компанию, как говорится, барин надвое перекрестился!

Во всей его манере развязно держаться, пересыпать речь простонародными словечками сквозило барство. Перед нами стоял воистину русский барин, х о з я и н земли русской, которому все дозволено, и ни перед кем он не в ответе.

— Мне дали условное разрешение, — вступила в разговор рижанка Клара Левенберг, стоявшая вместе с дочкой в передних рядах. — Мне Кайя сказал, что я смогу воспользоваться этим условным разрешением через месяц или через два или даже через год, а может, этим разрешением воспользуются только мои дети или внуки, когда на Ближнем Востоке установится мир, а пока, он говорит, я не

имею права никуда ни писать, ни жаловаться. Мне Кайя еще велел написать Голде Меир, чтобы она вывела израильские войска. Так что, я должна, выходит, установать там мир! Это же явное издевательство.

— Что такое условное разрешение? — шепнул министр помощнику.

— Учитывая напряженность на Ближнем Востоке, мы ограничиваем выезд военнообязанных, могущих усилить Израиль, — поспешно разъяснил помощник.

Щелоков:

— Ни для кого не является секретом, что в Египте стоят наши войска и находятся наши специалисты, — снова оживился министр, — и мы воюем в Израиле с американским империализмом! Более пятидесяти лет империалисты всех мастей стараются сокрушить советскую власть. И не думайте, что раз вы приехали в Москву, то советская власть испугалась. Вот татары тоже пытались приехать в Москву... — В этот момент помощник в штатском резким движением руки дернул министра за рукав: министр, очевидно, явно хватил через край. Наступила короткая неловкая пауза. Министр задумался.

— Конечно, сейчас не 37-й год, — начал он поправляться, — и мы никогда не допустим этого. После нас останутся архивы, которые нашим потомкам не стыдно будет читать, мы строго будем придерживаться социалистической законности! Но и нарушать советские законы мы тоже никому не позволим! — Остановить, прервать министра далее было почти невозможно, он вошел в раж и говорил, говорил, молотил — стандартное советское словоблудие.

Евреи порывались одновременно задавать свои вопросы, перекричать друг друга, никто, казалось, никого не слушал, в том числе и самого министра. Наконец, мы прервали монолог министра и вернули его к конкретным делам. Щелоков заявил, что на места будут посланы специальные представители МВД с широкими полномочиями, с тем чтобы оперативно, без проволочек, в течение короткого времени — от двух недель до месяца — пересмотреть все наши дела в свете сделанного им заявления.

Было очевидно, что в вопросе исхода в Израиль мы достигли определенного прогресса, и это являлось следствием какого-то важного решения в Кремле. Из намеков о телеграмме можно было предположить, что нашим вопросом занимались в те дни Брежнев и Подгорный, которые и доставили, вероятно, министру внутренних дел Щелокову неприятности при чтении нашей коллективной телеграммы и других документов.

По существу это была победа, но оставался еще большой вопрос о предстоящих судебных процессах, который, однако, не имел непосредственного отношения к инстанции МВД. Это был наш тяжелый спор между активами при подготовке всей операции, о целесообразности совмещения этих требований.

Но тут Вульф Файтельсон выступил перед министром с просьбой освободить наших арестованных товарищей — рижан Шпильберга, Мафцира, Александрович и Шепшеловича.

Министр побагровел от злости и напустился на Вульфа:

— Вы кем им приходитесь?! Брат или сообщник?! Если их посадили — значит, они совершили государственное преступление и это установили следственные органы. Я хорошо знаю товарища Андропова. Невинových у нас не наказывают, а сионизм — мы ставим тире, знак равенства — фашизм! И мы будем с ним всеми силами бороться!

— Я родственник арестованных, — вышел из задних рядов Саня Авербух. — Моя невеста, Рут Александрович, арестована в Риге, она ни в чем не виновна. Она, как и все мы, только хотела выехать в Израиль, поэтому мы ставим здесь вопрос об арестованных.

— Эти вопросы не относятся к компетенции Министерства внутренних дел! — резко оборвал Щелоков. — Этим занимаются органы госбезопасности и прокуратуры.

Спорить дальше, добиваться освобождения наших репрессированных товарищей здесь было бесполезно.

В приемной продолжался шум и гам. Люди переходили с места на место, вокруг Щелокова и его свиты столпились плотную группу людей, доносились отдельные возгласы и выкрики.

— Это лажа! Это позорище! Это ужасно! — Саня Авербух схватился двумя руками за голову. — Это позор! Как мы выглядим! Это ужасно! — повторял он. Его серые широко раскрытые глаза сверкали, как у одержимого.

— Саня, все в порядке! Наоборот, это то, что надо! Смотри, как он с нами разговаривает! — пытался я его переубедить и успокоить, но он, конечно, остался при своем мнении.

К нам подбежал в большом возбуждении Зяма Рапопорт с вопросом:

— А как насчет телеграммы? Надо дать телеграмму!

— Кому?

— Ну, Брежневу! Он же сказал!

— Зяма, ты что! Забудь об этом!

— А-а, понял...

В заключение Щелоков дал указание подчиненным составить список присутствующих. Несколько офицеров прошагали в соседнее помещение и пригласили присутствующих последовать за ними для регистрации.

Зачем им эти списки? Для пересмотра наших дел или ареста? Не ловушка ли? Советская власть очень коварна, может, они хотят выпроводить нас из Москвы и разделиться на местах? Дай Бог, чтобы нас не обманули... До последней минуты тревожные мысли не оставляли сознание.

Однако сражение было окончено, мы все решили зарегистрироваться. Было четыре часа. Мы приняли решение прекратить демонстрацию и разъехаться по домам. Но было ощущение, что мы впервые за много лет добились многого...

Примерно дней через десять, в двадцатых числах марта 1971 г., ОВИР МВД Латвийской ССР начал выдавать много разрешений, и в то же время, опасаясь каких-либо действий евреев в отношении XXIV съезда КПСС, почти всех евреев Риги, ходатайствующих о выезде в Израиль, стали вызывать в районные отделения милиции и предлагали подписывать заявления, в которых указывалось, что данной семье дано разрешение на выезд в Израиль или их дело пересматривается и после 15 апреля будет дан ответ. Предлагалось не предпринимать никаких действий в отношении советских учреждений и не ехать в Москву.

На перроне рижского вокзала у каждого вагона поездов, отправлявшихся в Москву, в течение всего периода работы съезда партии, вплоть до его окончания, дежурили усиленные наряды милиции и проверяли документы. Лица еврейской национальности, направлявшиеся в Москву по частным делам, а не в командировки, снимались с поездов. То же самое было в аэропорту. Имели место конфу-

зы и юмористические случаи, когда милиционеры придирались к ничего не подозревавшим армянам, грузинам, кавказским горцам или среднеазиатским людям и требовали для проверки их паспорта. Милиция была неопытна в расизме и путала их с евреями — она не проходила нацистской школы охоты за евреями, а тут столкнулась со сходным заданием по их селекции...

Указанные действия советских властей носили откровенно дискриминационный, антисемитский характер, но свидетельствовали об их глубокой озабоченности в связи с активностью еврейских масс в их борьбе за выезд в Израиль.

Наша демонстрация, звено в длинной цепи тяжелой борьбы советских евреев за исход в Израиль, завершилась очевидной победой. Последовали многочисленные разрешения во многих городах СССР. Постепенно началась большая алия, приведшая в Страну Израиль тысячи новых граждан. Но история борьбы советских евреев продолжается — это был только один яркий эпизод.

Нацерет-Иллит (Верхний Назарет), Израиль, 1971 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Та знаменитая голодовка...

«40 лет победы» — под таким лозунгом израильяне — выходцы из Латвии организовали 18 марта [2011 г.] встречу, посвященную демонстрации и голодовке, проведенным в Москве в марте 1971 г. Эта акция протеста была организована группой активных борцов за алию, которые подготовили письмо в Верховный Совет СССР, в обстановке строгой секретности собрали под ним 56 подписей и организовали приезд в Москву всех подписавших.

Утром 10 марта рижане пришли в приемную Президиума Верховного Совета СССР. Они отказались выделить несколько своих представителей для встречи с руководством ВС. Об этой голодовке группы евреев-отказников сообщили зарубежные радиостанции, после чего к рижанам примкнули около ста евреев, прибывших в Москву из семи других городов страны, чтобы добиваться разрешения на выезд.

На следующий день, 11 марта, демонстранты направились из приемной Верховного Совета в Министерство внутренних дел СССР, где с ними провел переговоры начальник всесоюзного ОВИРа полковник Овчинников, а затем — представитель министра генерал-майор Самохвалов. Но им не удалось убедить евреев прекратить голодовку. И тогда к собравшимся вышел член ЦК КПСС, глава МВД СССР Щелоков. Впервые в истории Советского Союза министр пришел объясняться с евреями-демонстрантами. После недолгого обмена репликами Щелоков пообещал, что дела всех собравшихся будут пересмотрены и решены положительно. Евреи решили прекратить голодовку и вернуться по домам. И действительно, в течение одного-двух месяцев все «подписанты» получили разрешение на выезд в Израиль.

На встрече в Центре памяти латвийского еврейства в Шфаим¹⁰ говорилось о том, что, хотя голодовку в Москве можно считать поворотным моментом в борьбе за выезд, она возникла не на пустом месте. До нее и после нее рижане отправляли письма протеста — индивидуальные и коллективные — в советские и западные инстанции. Рига была «рассадником сионистской заразы» и центром борьбы за выезд, служила примером для других городов. На встрече в Шфаим присутствовали также представители грузинских активистов, письмо которых получило широкую известность во всем мире. В книге Буби Цейтлина «Документальная история евреев Риги»¹¹, которая часто цитировалась на этой встрече, указывается, что среди писем и петиций советских евреев, опубликованных в сборнике, выпущенном Иерусалимским университетом, около 25 % этих писем были от рижан. Это при том, что евреи Риги составляли лишь 1,2 % всех евреев СССР. Десятки таких писем были выставлены в фойе, а также показаны на большом экране в зале. Звучали песни, которые пели те, кто боролся за выезд в начале 70-х гг. Пожалуй, самым наглядным доказательством победы тех, кто осмелился открыто бороться за возвращение на Родину, стал видеоклип, в котором ансамбль МВД Рос-

40-летие демонстрации. 2011 г., Израиль, Центр памяти латвийского еврейства в кибуце Шфаим. Слева направо: (сидят) Сильва Залмансон, Итта Хорол, Бэла Цейтлина, Моня Вейсман; (стоят) Ида Чурилова, Лиза Бурина, Хана Цал, Давид Зильберман, Женья Вейсман, Доля Бурин

сии исполняет песню «Шлах эт ами» — «Отпусти народ мой». Как сказал один из участников встречи: «Той страны уже нет, а мы — вот уже 40 лет у себя дома!» Встреча рижан, победивших советскую власть, завершилась двумя песнями, ставшими гимном нашей борьбы — песней «Кахоль взлаван» и, конечно, «ха-Тиквой».

Эли Валк, председатель Объединения

выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле

Мы здесь. № 300 // <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=3311> (25.03.2011).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду состоявшаяся в Москве, в Колонном зале Дома союзов, 4 марта 1970 г. и транслировавшаяся по телевидению пресс-конференция «граждан еврейской национальности», среди которых были государственные и военные деятели, ученые, писатели, артисты и другие известные люди, ряд из которых принудили выступить с резкими антиизраильскими заявлениями. — *Ред.*

² Жаботинский Владимир (Зеев) Евгеньевич (1880—1940) — писатель и публицист, идеолог и основатель ревизионистского направления в сионизме. До 1914 г. жил в России, после 1920 г. — в основном во Франции. Умер в США. — *Ред.*

³ Трумпельдор Иосиф (1880—1920) — командир еврейской самообороны в Палестине (1920 г.), был смертельно ранен в вооруженном столкновении с арабами у селения Тель-Хай; его именем была названа молодежная военизированная организация сионистов-ревизионистов «Брит-Трумпельдор» (сокр. Бетар). — *Ред.*

⁴ Дубнов Семен Маркович (1860—1941) — крупнейший еврейский историк; публицист, общественный деятель; автор монументальной 10-томной «Всемирной истории еврейского народа» (Рига, 1934—1938), целого ряда других исторических трудов и обширных мемуаров (Книга моей жизни. Рига, 1934—1940. Т. 1—3). Один из создателей и руководителей Союза для достижения полноправия евреев в России (1906), Еврейской народной партии (1906), Еврейского историко-этнографического общества (1908), журнала «Еврейская старина» (1909—1918). Сторонник нацио-

нально-культурной автономии евреев, создания самоуправляющихся еврейских общин, противник ассимиляции (взгляды изложены в «Письмах о старом и новом еврействе» (1897—1902; отд. изд. 1907)), отвергал сионизм, считая его выражением псевдомессианства. Родился в Мстиславле (Могилевская губерния), жил в Петербурге, Одессе, Вильне; в 1922 г. эмигрировал из Советской России, жил в Каунасе и Берлине, последние годы жизни провел в Риге; погиб в Рижском гетто. — *Ред.*

- ⁵ Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — выдающийся еврейский поэт (в основном писал на иврите), выступал против социальной несправедливости и национальных притеснений; в 1920 г. эмигрировал из России, с 1924 г. в Палестине. — *Ред.*
- ⁶ Юрис (Урис) Леон (*Uris Leon*) (1924—2003) — американский писатель. Со вступлением США во Вторую мировую войну в 17-летнем возрасте ушел в армию. В составе взвода морской пехоты участвовал в боевых действиях на Тихом океане. В большинстве произведений в той или иной степени отражена тема Катастрофы и борьбы с нацизмом. Мировую известность принес Юрису роман «Экзодус» («Исход», 1958) о периоде, предшествовавшем провозглашению Государства Израиль и событиях Войны за независимость (экранизирован в 1960 г., русский перевод — 1973 г.). Особую роль роман «Экзодус» сыграл в пробуждении национального самосознания евреев Советского Союза, где его текст циркулировал в «самиздате». — *Ред.*
- ⁷ ОВИР — отдел виз и регистрации иностранных граждан в системе внутренних дел СССР. — *Ред.*
- ⁸ Отказники — в данном случае лица, пытающиеся законно выехать из страны, но получающие от властей отказ в разрешении на выезд. Это значение слова появилось в 1970—1980-е гг. и являлось одной из разновидностей нарушений гражданских прав в СССР. — *Ред.*
- ⁹ Щелоков Николай Анисимович (1910—1984) — советский государственный деятель, в 1968—1982 гг. министр внутренних дел СССР. Был смещен с должности по обвинению в коррупции и лишен всех званий и государственных наград (кроме боевых). Покончил с собой. — *Ред.*
- ¹⁰ Шфаим — кибуц в Израиле у Средиземного моря, в 12 км от Тель-Авива, основанный в 1931 г. В июне 1938 г. в кибуце было около 70 членов — выходцев из Латвии. В кибуце Шфаим развито садоводство, овощеводство, животноводство. В нем также находятся архив и библиотека Объединения выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле. — *Ред.*
- ¹¹ Цейтлин Ш. (Б.). Документальная история евреев Риги. [Тель-Авив], 1989.